

Нина Геннадьевна Зенец

Омский государственный медицинский университет, доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омск, Россия
e-mail: df_zenec@mail.ru

Марина Викторовна Чалдышкина

Омский государственный медицинский университет, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омск, Россия
e-mail: MarinaChald@yandex.ru

Наталья Леонидовна Варова

Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: nvarova@mail.ru

**Проблема субъектного основания человека
в условиях психопатологической реальности**

Аннотация. В статье обосновывается мысль, что субъектное основание человека может служить ему опорой в сложных условиях современной жизни. Историко-философский экскурс наглядно показывает, что тенденция движения к отказу от всяких оснований, от субъекта связана с попыткой высвободить человека из любых оков, ограничивающих его свободу, поставить его в ситуацию по ту сторону добра и зла, по ту сторону разума. Авторы утверждают, что несмотря на имеющуюся тенденцию исчезновения субъекта, субъектное основание человека не исчезает, оно присуще ему изначально и может исчезнуть лишь вместе с ним. Делается вывод, что субъектное основание человека может служить ему опорой даже в психопатологической реальности, но при этом человек оказывается перед выбором: либо приспособливаться к «сумасшедшему миру», либо противостоять ему. Выбор стратегии осуществления себя в мире — это всегда риск и ответственность, но это и есть проявление человека в качестве субъекта.

Ключевые слова: человек, субъект, субъектное основание, общество, существование, действительность, психопатологическая реальность.

Nina G. Zenets

Omsk State Medical University, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk, Russia
e-mail: df_zenec@mail.ru

Marina V. Chaldyshkina

Omsk State Medical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk, Russia
e-mail: MarinaChald@yandex.ru

Natalya L. Varova

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of
the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: nvarova@mail.ru

**The Problem of a Person's Subject Foundation
in the Context of Psychopathological Reality**

Abstract. The article substantiates the idea that the subjective basis of a person can serve as a support for him in the difficult conditions of modern life. The historical and philosophical digression clearly shows that the tendency to move towards the rejection of all foundations, from the subject is associated with an attempt to free a person from any shackles that restrict his freedom, to put him in a situation on the other side of good and evil, on the other side of reason. The authors argue that despite the existing tendency of the disappearance of the subject, the subject foundation of a person does not disappear, it is inherent in him initially, and can disappear only with him. It is concluded that the subjective basis of a person can serve as a support for him even in psychopathological reality, but at the same time a person is faced with a choice: either to adapt to the «crazy world» or to resist it. Choosing a strategy for self-realization in the world is always a risk and responsibility, but this is the manifestation of a person as a subject.

Keywords: subject, subject foundation, existence, reality, psychopathological reality.

Введение (Introduction)

Последнее время всё чаще можно услышать из уст ученых то, что «мир сошел с ума» (Т. Черниговская), а философы-постмодернисты Жиль Делёз, Феликс Гваттари современную реальность описывают как шизофреническую: «Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» [1, с. 14].

Иными словами, современные реалии всё больше убеждают нас, что мы давно уже живем в психопатологическом мире. Истина и ложь, добро и зло, человеческое и нечеловеческое, иллюзия и реальность стали практически не различимы. Общеизвестно, что иллюзия — это представление, которому соответствует определенный предмет, но произвольное вмешательство душевно-духовного фактора преобразует объективную реальность в направлении желаемой данности. Иллюзии питаются не разумом, но аффектами, такими как страх и надежда.

Психопатология мира, окружающего современного человека, задана его иллюзорностью. Нас окружают симулякры (Ж. Батай): вещи-подделки, отношения-подделки, ценности-подделки, — реальность стала конструктом в умелых руках масс-медиа, для которых между «быть» и «казаться» больше нет никакого зазора. Обширная паутина социальных сетей, средств массовой информации, интернета активно формирует восприятие современного человека, управляя его поведением, желаниями, мыслями.

На наш взгляд, причина этого коренится в ослаблении субъектного основания человека, попытке отказа от своей субъектности, растворении в структурах и стихиях бессознательного, виртуального, дискурсивного.

Методы (Methods)

Для разграничения понятия «субъект» и «субъектное основание» человека мы обращаемся к историко-философской аналитике, в которой между этими сходными понятиями проводится принципиальное различие. «Субъект — это тот, кто мыслит и действует» [2, с. 29]. Субъект — это человек, взятый с точки зрения определенной активности. Активности, способной не только познавать, но и центрировать, упорядочивать, или, иначе, вносить «логосность» в мир, собирать своеобразный образ мира, различать его внешнее существование от внутреннего опыта сознания мира, сопротивляться их смешению или полному разрыву. Иначе говоря, субъект — это тот, кто владеет этой возможностью и способностью. Сама же возможность есть и способность, и субъектное основание человека, которое дано

ему априори. Субъектность человека была бы невозможна, если бы этого основания не существовало. В этом смысле субъектное основание — это сущностная характеристика человека, его возможность реализоваться в качестве субъекта.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Если обратиться к понятию «субъект», то оно, как правило, употребляется в паре с понятием «объект» и происходит от лат. *subjectus*, что означает «лежащий внизу или находящийся в основе». Не случайно в Античности оно использовалось как одно из обозначений греческого слова «подлежащее» (*hupokeinon*). Но это не пассивное подлежащее, это активное подлежащее, это способность инициировать определенный ряд действий, событий. Уже в Античности мы находим у Протагора положения, что именно «человек есть мера всех вещей». Сократ и вовсе придает человеку определяющее значение, на человеке лежит ответственность за мир, ибо быть субъектом — значит быть не только разумным, но и нравственным. По-настоящему субъектом по тому, что было закреплено в Средневековье, мог быть только Бог, его активность распространяется на весь мир и человека в том числе. Человек лишь по праву подобия получает эту способность центрировать и объективировать мир. Осознавать в мире целостность — это «логос», открытый ему Богом.

С Нового времени понятие «субъект» наполнилось новым смыслом. Декартовское «Я мыслю» в качестве безусловного достаточного гаранта внешнего мира выдвигает «Я мыслящее». «Никто не станет оспаривать, — пишет К. Свасьян, — что Я, как сущность человека, или, собственно, его понятие есть в то же время всегда конкретное фактическое Я, нечто такое, что каждый человек может сказать, имея в виду себя...» [3, с. 42].

«Я» — это понятие, как правило, обращенное к конкретному человеку в единственном, неповторимом экземпляре, и в то же время оно принадлежит всем людям, так как каждый может о себе сказать «я». Каким-то образом каждое «я» объединено с другими «я», есть какая-то общность, соединяющая все «я». Поэтому Декарт был вынужден прибегнуть к идее Бога. «Идея Бога [у Декарта], — как замечает Л. А. Микешина, — выполняет, по существу, функцию трансцендентного субъекта, непогрешимого и совершенного «сознания вообще»» [4, с. 136].

Под субъектом, таким образом, понимается не человек, а нечто Божественное, *сogito* вообще, некое субъектное основание, делающее человека субъектом, позволяющее

ему выступать в роли субъекта. Но это основание — трансцендентальное. Оно как бы отстает от живого, деятельного, волевого человека и при этом остается не совсем понятным: оно управляет человеческим сознанием, организует его или наоборот? У Р. Декарта субъект — это не только мышление, но и центр, управляющий мышлением, т. е. можно сказать, что субъект у Декарта не отождествляет полностью «я».

Он пишет: «...Мысль моя радуется возможности уйти в сторону, и она не терпит, когда ее ограничивают пределами истины» [5, с. 25].

Таким образом, у Р. Декарта субъект — это то, что управляет мышлением и направляет его. Но какую природу в таком случае имеет субъект? «Это как бы особый мыслительный центр, способный охватывать все мысли и управлять ими» [2, с. 31].

В таком понимании четко прослеживается мысль, что человек изначально имеет такую составляющую в себе, которая осуществляет управление мышлением — это и есть субъектное основание человека. Однако природа этой управляющей инстанции не прояснена. Поэтому против картезианской парадигмы многие возражали. Например, Д. Юм считал, что такого управляющего центра существовать не может, так как мысли связываются в человеке только законами ассоциации, мир, что открыт субъекту, — это мир ассоциаций. Следовательно, субъектное основание по Д. Юму отсутствует, есть лишь способность ассоциировать мысли и чувства. Соответствует ли это реальности или нет — этот вопрос не разрешим. Поэтому если человек и думает, что он центрирует мир, выстраивает его в своем познании таким, какой он есть, то это только его представление, а не истина. Однако сама способность, в некотором смысле необходимость приводить мир к некоей целостности, упорядоченности своими усилиями, своей мыслительной активностью за человеком остается. Он как бы обречен выступать субъектом, пусть даже без гарантий на истину, правоту, надежность, уверенность. Другими словами, субъектность человека в определенном смысле задает миру «человеческое измерение» и самого его делает принадлежащим человечеству. Субъектное основание является объединяющим началом всех людей с точки зрения возможности сохранения мира в человеческом измерении.

Одним из первых эту идею высказал И. Кант. Для того, чтобы не утратить истинность познания и ясность сознания, необходимо было во всех индивидуальных субъектах предположить наличие чего-то сверхиндивидуального, нечто общее, имеющее доопытную (априорную) природу, а именно субъектную способность к синтетической апперцепции. Иначе говоря, по И. Канту существует некое инвариантное и устойчивое ядро в каждом человеке, которое обеспечивает единство мышления и возможность познания — это его априорные формы чувственности и мышления. Такая трактовка субъекта сделала его трансцендентальным. Субъект по И. Канту — это источник активности, задающей единство мира. Трансцендентальный субъект как бы определяет мир в познавательном акте. Но человек не является абстрактным и безличным познавательным субъектом, он есть конкретный живой, чувствующий, переживающий, мыслящий,

руководствующийся личными целями, интересами, эмоциональными переживаниями и т. д.

Г. В. Ф. Гегель конкретного живого человека делает историческим субъектом, который выступает моментом исторического развития абсолютного Духа. Поэтому он является носителем субъектного основания в качестве момента всей человеческой истории. Он исполнитель той цели, которую преследует абсолютный Дух, и здесь реализовать свое субъектное основание человек может как невольно исполняющий волю высшего субъекта — Духа (Бога). Другое дело — как он может Его в себе не осознать.

Это необходимая грань его деятельно-познавательной активности. Человек оказывается субъектом в силу того, что он является конкретным проявлением самостановления Духа. В этом случае исключены сомнения, что субъектность — это неотъемлемая грань самого абсолютного Духа, воплощающаяся в процессе исторического развития человечества, в то же время являясь субъектным основанием каждого человека. Другое дело — конкретный человек: он может не осознавать своей субъектности, быть полностью подчинен общественной идеологии, общепринятым принципам, но в целом человечество всегда остается субъектом, осознающим свое развитие.

События, ознаменовавшие конец XIX — начало XX в., опрокинули прежние представления о реальности и субъекте. Прежде всего, разрушилось представление, что человечество есть единый разумный субъект, в конечном итоге осознающий свои цели и путь саморазвития. Такое понимание было гарантией, что мир в целом никогда не сойдет с ума, «сумасшествие общества» в целом было невозможно, такая возможность существовала лишь у отдельных индивидуумов. Сама реальность в силу того, что никто больше не определяет ее как единственно существующую, истинную (ведь, по выражению Ф. Ницше, «Бог умер»), перестала быть гарантом разумности мира. «Реальность не просто прячется за ширму идеальных моделей, она уходит из-под власти Разума» [6, с. 66]. Субъект больше не определяет мир, перекадывая «ответственность» на бессознательное и текстуальность [6, с. 66].

Попытку отказаться от дихотомии «субъект — объект» одними из первых предприняли экзистенциалисты. Если иррационализм произвел «коррозию» субъекта, отождествив субъектную активность с неразумной Волей, а затем с бессознательным, то в экзистенциальной философии эта активность связана с понятием «внутреннего Я» не только мыслящего, познающего, но в первую очередь страдающего, переживающего страх и трепет перед лицом своей конечности, смертности. Человек осознал абсурдность мира. Единственное, что ему оставалось — это противостоять абсурду (бунт А. Камю). Но выживать в этом жестоком, абсурдном мире человек может только не потеряв своего субъектного основания, позволяющего сохранять свою внутреннюю целостность.

Субъектность как бы перемещается от внешнего проявления, когда субъект — это тот, кто центрирует мир, удерживает его Логос и смысл, являясь проводником истории, самостановления абсолютного Духа, во внутреннее, присущее каждому конкретному человеку и накладывающее

на него ответственность за самого себя. Теперь субъект — это тот, кто способен в силу своей сознательной активности удержать собственное существование, сознание как целостное, чтобы не рассеяться в профанной повседневности (М. Хайдеггер). Человек свободен, он принимает решения и в каждый момент создает сам себя. Однако является ли субъект центром некоего сознающего целого? У М. Хайдеггера это уже не так. Он вообще не употребляет слов «субъект» и «человек». Вместо этого он пишет о *Dasein* — «бытии-вот», присутствии. Субъекта как отдельной от мира инстанции у него нет [2, с. 32].

Очевидно, что здесь субъектное основание человека проявляется только тогда, когда он сталкивается со своим подлинным бытием (у М. Хайдеггера это бытие к смерти): здесь человек не противопоставлен миру, он задает его как целостность, он обретает себя в нём как целостность.

Свое логическое завершение отказ от субъекта получил в постмодернизме, где Ж. Делёз открыто заявляет: «...Больше нет никакого субъекта... Субъектом здесь выступает свобода, анонимная и номадическая сингулярность...» [7, с. 146].

«Эпоха постмодернизма, — пишет И. В. Карасёв, — собственно только тогда и началась, когда стало ясно, что очень многое в мире не является тем, за что себя выдает, когда человек увидел, что иллюзия создаваемой им реальности может оказаться не менее убедительной, чем сама реальность, он пережил шок открывшегося сиротства» [8, с. 13].

Вопрос лишь в том, как эта совокупность возникает: спонтанно или есть какой-то порядок, закон? Если она упорядочена, то кем? Исследуя неклассические парадигмы субъектности, Е. В. Косилова приводит в качестве примера такого философа, как Д. Деннет — это современный философ-материалист, разработавший собственную теорию сознания и «...утверждающий, что никакого центра “я” нет... Согласно нейробиологу И. В. Эдману, нейроны, которые отвечают за “удачную мысль”, подкрепляются в поведении человека» [2, с. 42].

Утверждения, что никакого единого центра в сознании человека нет, можно найти и в других неклассических парадигмах. Например, Ж. Лакан считает, что наши желания, проявляясь в языке, речи, образуют некую речь — «дискурс», который и заменяет субъект.

Субъект конституируется функцией означаемого, т. е. он поставлен в зависимость от языка.

В трактовке В. фон Гумбольдта, язык есть непрерывный творческий процесс, чья форма существования — это движение. Поэтому язык и субъективен, и объективен одновременно. Язык имеет самостоятельное бытие, и хотя действительную жизнь получает только в употреблении между людьми, но в то же время в существе своем он не зависит от отдельных лиц [9].

Язык — это стихия, в которой субъект может себя обнаружить, а может, и нет, если эта стихия перестает соотноситься с реальностью, начинает жить своей жизнью.

Другими словами, когда бытие перестает нуждаться в том, чтобы его кто-то понимал, познавал, а познающий субъект перестает идентифицировать себя как собственное «я», такое состояние вполне можно обозначить как потерю субъектности, как потерю субъектного основания в чело-

веке, опираясь на которое только и возможно оставаться в мире в качестве человека. Не случайно М. Хайдеггер утрату человеческого измерения мира называл антропологической катастрофой.

Язык, как основание всего реального, можно деконструировать. Деконструкция — это понятие современной философии и искусства, означающее понимание посредством нарушения стереотипа или включения в новый контекст. Новым контекстом в эпоху постмодерна становятся разнообразные маргиналии — средневековые заметки на полях больших нарративов. Отказ от нарративов решал задачу отказа от больших идей, грозящих тотальной идеологией, будь то религиозный идеал или политическая пропаганда. Но постепенно вытесненные из культуры заметки на полях парадоксальным образом сами стали претендовать на роль большого нарратива — нарратива культуры потребления. Ведь там, где нет большой идеологии, остается требование римского плебса — «хлеба и зрелищ». И это то, что культура постмодерна может дать человеку в избытке.

Только платить за такую свободу от тотального смысла приходится деконструкцией самого человеческого сознания, тотальной бессмыслицей. Можно сказать, что сознание тоже выносит на поля культуры, где оно девальвируется к сознанию шизофреника, который активно создает свою реальность, при этом установить подлинность отношения «человек — мир» не представляется возможным.

Появившееся понятие «смерть субъекта», которое вошло в философский обиход благодаря работе М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», написанной в 1966 г., еще больше утвердило позицию отказа от субъекта и субъектности.

Однако сам основоположник этой концепции М. Фуко приходит к противоречию. Дело в том, что мир сталкивается с сопротивлением человека: «...Сопротивления возможные, необходимые, невероятные, непримиримые или готовые к соглашению, корыстные или жертвенные...» [10, с. 196].

Кто и чему сопротивляется? Чтобы сопротивляться, нужно что-то из себя представлять, какую-то активность, силу, разум и т. п. Человек, имея возможность сопротивляться, не сливается с реальностью, не растворяется в ней, а напротив, осуществляет себя как нечто автономное, а следовательно, обладающее некоей целостностью. М. Фуко называет это «практикой себя», т. е. если бы субъект и исчез, то он вынужден себя снова воссоздавать в результате «практик себя». В этом случае возможно, что человек — это лишь марионетка «практик себя», а не суверенный субъект, способный определять себя и мир. Дело в том, что человек может формировать свою субъектность только в случае, если в нём есть субъектное основание, возможность и способность быть субъектом. Подобно тому, как человек может видеть, если у него есть эта способность изначально.

Именно субъектное основание служит организующим центром в нашем сознании. «Нельзя отказываться от идеи организующего центра, потому что без него угрожающе возрастает энтропия и субъект сваливается в шизофрению, которую в связи с этим можно рассматривать именно как слабость (до полного отсутствия) организации, как захват разума силами энтропии» [2, с. 40].

Следует отметить, что постмодернистское понимание субъекта, его отрицание имеет под собой почву. Мы действительно зависим от дискурса, от мира, в котором мы живем. В каком-то смысле дискурс задает границы нашего представления о реальности, формирует наше сознание внутри безличных структур языка. Субъектное основание предполагает возможность осуществиться человеку как субъекту, но остается при этом потенцией. Чтобы субъектное основание реализовалось в человеке, необходимо его деятельное участие в мире, его активность. И здесь возникает вопрос: какая активность человека реализует его субъектное основание?

Выше мы писали, что субъектное основание в человеке есть его способность и в некотором смысле необходимость приводить мир к некой целостности, упорядоченности своими усилиями, своей мыслительной активностью. Следовательно, чтобы субъектное основание человека случилось, нужны усилия человека, направленные на пребывание в мысли, собирание себя на предмете мысли.

Об этом писал М. К. Мамардашвили: «...Чтобы увидеть что-то, мы вносим порядок и потом видим... истинный образ, который нам говорит о предметах, не предсуществуя движению, а я двинулся (цели у меня пока нет, я еще не знаю, какой образ), упорядочивая восприятие, и потом кристаллом выпал образ. Так вот, это упорядочивающее движение и есть мысль, и есть действие» [11, с. 140].

Проблема современного человека в том, что это усилие по собиранию мысли он вынужден осуществлять в психопатологической реальности. Такой диагноз современной действительности не раз выносили философы различных направлений и школ. В этой ситуации человек как субъект вынужден проявлять по крайней мере две стратегии: либо приспособливаться к «сумасшедшему миру», либо противостоять ему.

Приспособление к «сумасшедшему миру» грозит субъекту шизофренией. Этимология слова шизофрения восходит к древнегреческому языку — «расщеплять ум». Р. Лэйнг, шотландский психиатр, основатель антипсихиатрического движения в Великобритании, полагал, что в расколотый ум шизофреника проникает свет, недоступный нормальному человеку. Но расколотый ум становится неспособным удерживать единство мира, мир рассыпается в мозаику, в которой нет смысла [12]. В этом случае человек до опре-

деленной степени теряет свою субъектность как способность к собиранию мысли и усилию по удержанию мира в целостности.

Заключение (Conclusion)

Отношение с миром человек выстраивает в диапазоне противоположных стратегий от приспособления до конфронтации, реализуя в разной степени свою субъектность.

Утрата мыслительной деятельности в том смысле, в котором ее понимал М. К. Мамардашвили как волевое усилие и как творческий акт порождения смысла, превращает человека в «машину желаний» (Ж. Делёз), подстигаемую культурой потребления. В этой ситуации он способен все-таки организовать себя в какой-то субъектной форме, хотя она и не будет соответствовать реальности и не будет давать возможность выжить без помощи других: корпораций развлечений, структур власти, услужливо предложенных политических нарративов. Приспособление, на первый взгляд, кажется более безопасным, чем сопротивление. Но опасность состоит в том, что до сих пор неясно, где эта грань, за которой уже нет возврата.

Выбор стратегии сопротивления психопатологическому миру, вплоть до отказа от него, еще не гарантирует человеку реализацию субъектного основания, так как мыслительная активность — это акт спонтанный, не поддающийся контролю. Хотя мышление свойственно человеку, оно не является результатом только его психической активности, акт мысли происходит произвольно. Чтобы проявить субъектное основание, стать субъектом, человек должен проявить активность не только психическую, но и экзистенциальную: собраться в мысли. Кроме того, отказ от мира может привести к аутистическому мышлению — мышлению, замкнутому на себе. Опасность здесь состоит в том, что человек может отгородиться от мира вплоть до его полной потери. В то же время постоянная конфронтация с миром также неэффективна, как и приспособление к нему.

Субъектное основание человека — это его неотъемлемая суть и смысл существования в мире. Становясь субъектом, человек способен идентифицировать себя как «я», способен не только выделить себя из мира, но и быть в мире, осуществить себя в мире, поэтому выбор стратегии осуществления себя в мире — это всегда риск и ответственность, но это и есть проявление человека в качестве субъекта.

Библиографический список

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 672 с.
2. Косилова Е. В. Психопатология как арбитр спора между парадигмами субъектности // Человек. 2021. Т. 32, № 3. С. 28–45.
3. Свасьян К. А. О конце истории философии // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4 (36). С. 33–49.
4. Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. / пер. с лат. и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн [и др.]. М. : Мысль, 1994. Т. 2. С. 3–72.
6. Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб. : Алетейя, 2003. 192 с.
7. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академический проект, 2011. 472 с.
8. Карасёв И. В. Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3–16.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г. В. Рамишвили. 2-е изд. М. : Прогресс, 2000. 400 с.
10. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачникова. М. : Касталь, 1996. 448 с.

11. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М. : Моск. шк. полит. исследований, 2000. 416 с.

12. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я». Экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия / пер. с англ. В. Желникова. М. : АСТ, 2021. 288 с.

References

Descartes R. (1994) [Meditationes de Prima Philosophia], *Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 2, pp. 3–72. (in Russian)

Deleuze G. (2011) [*Logique du Sens*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 472 p. (in Russian)

Deleuze G., Guattari F. (2008) [*L'Anti-Œdipe: Capitalisme et Schizophrénie*]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 672 p. (in Russian)

Foucault M. (1996) *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [*The Will to Truth. Beyond Knowledge, Power and Sexuality*]*. Moscow, Kastal' Publ., 446 p. (in Russian)

Humboldt W. von. (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [*Selected Works on Linguistics*]*. Moscow, Progress Publ., 400 p. (in Russian)

Karasev I. V. (1993) Postmodernizm i kul'tura (materialy "kruglogo stola") [Postmodernism and Culture (Materials of the Round Table)]*, *Voprosy filosofii* [*Questions of Philosophy*]*, no. 3, pp. 3–16. (in Russian)

Kosilova E. V. (2021) Psikhopatologiya kak arbitr spora mezhdu paradigmami sub"ektnosti [Psychopathology as an Arbitrator in Subjectivity Paradigms Controversy], *Chelovek* [*Man*], vol. 32, no. 3, pp. 28–42. (in Russian)

Laing R. D. (2021) [*The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*]. Moscow, AST, 288 p. (in Russian)

Mamardashvili M. K. (2000) *Ehstetika myshleniya* [*Aesthetics of Thinking*]*. Moscow, Moscow School of Political Studies Publ., 416 p. (in Russian)

Mikeshina L. A. (2002) *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [*Philosophy of Cognition. Polemical Chapters*]*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 624 p. (in Russian)

Svas'yan K. A. (2005) O kontse istorii filosofii [About the End of the History of Philosophy]*, *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva* [*Bulletin of the Russian Philosophical Society*]*, no. 4 (36), pp. 33–49. (in Russian)

Tereshhenko N. A., Shatunova T. M. (2003) *Postmodern kak situatsiya filosofstvovaniya* [*Postmodernism as a Situation of Philosophizing*]*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 192 p. (in Russian)

---

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.